

ФАНТАСТИЧЕСКАЯ РЕАЛЬНОСТЬ ФРАНЦА КАФКИ**Шастина М.В.***Елабужский институт (филиал) ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет, 423600, г. Елабуга, ул. Казанская, д. 89**e-mail: shastina@rambler.ru**поступила в редакцию 9 ноября 2015 года***Аннотация**

В статье рассматриваются элементы поэтики немецкоязычного писателя - Франца Кафки (1883-1924) через призму рецепции Китая. На материале рассказа «Как строилась Китайская стена» (1917) показаны возможности интерпретации «фантастической реальности» в творческом наследии автора. Китай предстает в виде метафоры, позволяющей выявить скрытые смыслы, объяснить сверхъестественное, которое становится основой кафкианской реальности. Своеобразие механизмов вторжения фантастического в обыденный мир позволяет причислить Франца Кафку к «неофантастам».

Ключевые слова: *рецепция Китая, Китайская стена, фантастический элемент, абсурдность бытия, нефантастическая реальность, поэтика.*

Введение. Масштабность творческой личности Франца Кафки (Franz Kafka, 1883-1924) в настоящее время не вызывает сомнений. В зарубежном и отечественном литературоведении насчитывается большое количество монографических исследований и научных статей, посвященных интерпретации небольшого по объему литературного наследия Кафки, которое, с одной стороны, представляет своеобразный срез художественного сознания ушедшего столетия, с другой стороны, заявляет о себе как об уникальном явлении вне времени и пространства, поскольку «все попытки «охватить» его какой-нибудь рубрикой, приписать к отряду экспрессионистов, сюрреалистов, нигилистов, абсурдистов, модернистов заканчивались ничем» [1]. М. Бланшо полагает, что творчество Кафки неординарно, так как его произведения «представляют собой потрясающие примеры аллегии, символа, мистической выдумки, что неминуемо в силу характера его мысли» [2].

В данной статье предпринята попытка проанализировать «фантастическую реальность» Кафки, которая является неотъемлемой характеристикой его поэтики. Кафка уникален еще и потому, что ему удалось создать свою сугубо индивидуальную «эстетическую систему» с присущей лишь ему одному «нефантастической фантастикой», которую можно наблюдать лишь у Н.В. Гоголя [3].

Основная часть. Болгарский ученый Цв. Тодоров, автор фундаментального исследования – «Введение в фантастическую литературу», выдвинул тезис относительно «инаковости» фантастики у Кафки. Взяв в качестве иллюстрации рассказ «Превращение», ученый приходит к выводу, что к этому произведению невозможно подходить с выработанными ранее категориями. Во-первых, фантастическое событие – превращение Грегора Замзы в насекомое – описывается уже в первой фразе. Если в традиционном фантастическом повествовании исходная ситуация, как правило, представляется естественной, реалистичной, а конечная – сверхъестественной, то в «Превращении», напротив, исходная ситуация противоречит здравому смыслу, во-вторых, в ходе повествования она становится все более обыденной, в итоге конец истории настолько реалистичен, что сама идея о сверхъестественности описываемого события уходит на задний план. У Кафки, по мнению Цв. Тодорова, «происходит генерализация фантастического: в него включаются весь универсум книги и сам читатель» [4].

Неудивительно, что Цв. Тодоров при характеристике фантастического обращается к «Превращению» – «одному из немногих великих шедевров нашего столетия», в этом

небольшом по объему произведении автор «достиг своего мастерства» [5]. К тому же, наличие фантастического элемента здесь очевидно.

Цель настоящей работы состоит в том, чтобы привлечь внимание еще к одному рассказу Кафки – «Как строилась Китайская стена» („Beim Bau der Chinesischen Mauer“) [6], который был написан в марте 1917 года, первая публикация состоялась лишь в 1931 году в сборнике рассказов „Beim Bau“. До сегодняшнего времени «китайский аспект» в творчестве Кафки не получил должного освещения. Фундаментальным исследованием, посвященным теме «Кафка и Китай», является монография китайского германиста В. Мэна (W. Meng) [7]. В последние годы китайская тема неоднократно попадала в поле зрения зарубежных литературоведов [8,9].

Австрийский писатель, лауреат Нобелевской премии Элиас Канетти (1905-1994), высоко ценивший творчество Кафки, на страницах произведения «Другой процесс. Франц Кафка в письмах к Фелице» отмечает, что «единственный истинно китайский по своему духу писатель, выросший на Западе, – это Кафка» [5].

В. Мэн [7], а также Х. Биндер [10] отмечают, что Кафка в процессе работы над данным рассказом опирался на ряд источников, напрямую связанных с культурой Китая, это и китайские сказки, и китайская лирика XII века, и т.д. Наличие объективной реальности очевидно, поскольку уже в заглавии названа Великая Китайская стена, являющаяся артефактом мировой культуры. Следует упомянуть тот факт, что образ Китая претерпевал в сознании европейцев изменения, становясь своеобразной метафорой, призванной отобразить контраст Востока и Запада. Правомерно вести речь об эволюции образа Китая в Европе с позиций исторического контекста. Но рассказ не следует воспринимать как историческую зарисовку, поскольку Китай у Кафки далек от того, чтобы его можно было воспринимать как реальное географическое пространство, время сооружения Китайской стены также достаточно условно. Для Кафки было намного важнее воссоздать атмосферу событий, связанных с Китаем.

Рассказ Кафки «Как строилась Китайская стена» по-разному интерпретируется учеными. Так, Х. Наказава (H. Nakazawa), исследовавший биографию писателя, делает заключение, что в данном произведении, насквозь метафоричном, речь идет о сложном отношении Кафки к сионизму [11]. Другой исследователь, В. Беньямин, «предостерегает» от того, чтобы воспринимать историю сооружения Китайской стены в качестве аллегории [12], анализируемый рассказ призван «показать две вещи: величие данного писателя и невероятную сложность сие величие засвидетельствовать» [12]. Б. Грайнер усматривает скрытые смыслы в многослойной метафоричности рассказа, повествующего о событиях древности, которые соединены с настоящим [13].

Таким образом, большинство ученых признают метафоричность повествования. Повествование ведется от лица участника великой стройки, пожилого человека, который, описывая события сооружения стены, постепенно «уходит» в рассуждения на самые разные темы. Воссоздать хронотоп повествования помогает следующая фраза из воспоминаний безымянного рассказчика: «Мне повезло, ибо, когда я, двадцати лет от роду, выдержал завершающие экзамены начальной школы, к строительству стены только что приступили» [6].

История начинается с конца - строительство стены практически завершено, рассказчик дистанцируется от событий, имевших место в прошлом: «Китайская стена в северной своей части закончена. Строители ввели ее с юга-востока и здесь оба отрезка соединили» [6]. Кафка, для поэтики которого характерна фрагментарность, переносит этот принцип и на композицию рассказа, состоящего из отдельных частей. Китайскую стену строили, наряду с неподготовленными поденщиками, «образованные строители», которые «срослись со стройкой»: «Единство! Все стоят плечом к плечу, ведут всеобщий хоровод, кровь, уже не замкнутая в скупую систему сосудов отдельного человека, сладостно течет через весь бесконечный Китай и все же возвращается к тебе» [6]. Кафка создает «свой Китай», Китайская стена лишь объективный фрагмент, позволяющий автору показать размах

события. Кафка далек от того, чтобы просто удивить фантастическими масштабами сооружения. В данном контексте фантастическое является общеизвестным фактом, но автор абсолютизирует фантастическое, когда заводит речь о строительстве Вавилонской башни, библейская легенда «уводит» повествование в иную «реальность».

Оба сооружения – Великая Китайская стена и Вавилонская башня – представляются в рассказе реальными объектами, поскольку не допускается мысли, что Вавилонской башни не существовало. Более того, в контексте они являются прямой противоположностью друг другу. В рассказе фигурирует мнение авторитетного ученого, на которое ссылается хронист события. Вавилонская башня разрушилась не потому, что это начинание было неумолимо Богу, а из-за слабого фундамента. Ученый утверждал, что «лишь Великая стена впервые в истории человечества явится прочным фундаментом для новой Вавилонской башни» [6]. Таким образом, сооружение Великой Китайской стены, которая призвана объединить и защитить нацию, при этом укрепить императорскую власть, дело богоугодное.

Как и в «Превращении», нереальное, сверхъестественное событие, введенное в ранг объективности, а именно, сооружение Вавилонской башни и связанный с ней мифологический контекст, становятся печальной действительностью, поскольку причина тривиальна, как у любого другого сооружения, подвел фундамент.

Важной темой, затронутой в рассказе, является тема границы, причем, как в прямом значении, так и в переносном: «Границы, поставленные мне моим мышлением, достаточно тесны, а область, которую пришлось бы охватить, – сама бесконечность» [6]. Понятно, что Китайская стена должна служить границей. Граница охраняется, следовательно, призвана защищать государство. Кафка в очередной раз демонстрирует пророческий взгляд на грядущее, когда стены, призванные быть границей и щитом, возводятся, рушатся и вновь сооружаются. Сама идея абсурдна, но она становится реальностью. От кого защищаться? Ответ на вопрос очевиден для повествователя и всех его единомышленников – от северных народов, но никакой северный народ не может угрожать стране, об этом также хорошо известно всем, кого рассказчик объединяет личным местоимением «мы», мы – это народ, нация. Кафка и здесь необычайно современен, образ врага призван укрепить дух нации, для этой «великой» цели все средства хороши: «На правдивых картинах наших художников мы видим эти отмеченные проклятьем лица, разинутые рты, усаженные острыми зубами челюсти, прищуренные глаза, которые как будто уже высматривают воровскую добычу, и пасть, уже готовую растерзать ее и раздробить. <...> Но больше ничего мы об этих северянах не знаем. Видеть их мы не видели и, живя в своей деревне, никогда и не увидим, даже если они на своих диких конях, разъярясь, будут мчаться на нас, - настолько обширна наша страна, что она их к нам не подпустит, они просто растают в воздухе» (курсив М.В. Шастиной) [6].

Кафка «договаривается» о том, что границы его фантазии, его художественного мира, не поддаются измерению. Художник, причисленный Р. Лахман (R. Lachmann) к «неофантастам» (Neophantasten) [14], вступает в игру с собственной метафорой, которую пытается объяснить. В результате деметафоризации мысль становится еще более абсурдной, при этом абсурдность выступает основой реальности, которая не вписывается в какое-либо географическое пространство, даже такое необъятное, как Китай.

Китайская стена призвана стать мерилем разума, так как от того, насколько разумна императорская власть, зависит успех дела: «Одним из самых непонятных установлений является у нас императорская власть» [6], вокруг которой ходило множество слухов, «так обширна наша страна, что никакой сказке не охватить ее, едва удастся небу дотянуться от края до края, и Пекин на ней – только точка, а дворец императора – только точка. Но император как понятие, конечно, огромен, он высится сквозь все этажи Вселенной» [6].

Как уже отмечалось ранее, мысли очевидца, одного из многих, подкрепляются, то мнением авторитетного ученого, то преданиями и легендами. Кафка, по мнению Е. Мелетинского, «в сущности, не прибегает к поэтике мифологизирования, в том смысле как о ней до сих пор шла речь. Но фантастическое преображение обыденного мира в его

произведениях само имеет черты некоего стихийного мифотворчества или чего-то аналогичного мифотворчеству» [15]. Обращенность к мифам позволяет выходить на трансцендентный уровень, вести разговор о вечных проблемах.

Заключение. Исследование рецепции китайской культуры в творчестве Франца Кафки - одного из самых загадочных писателей во всей мировой литературе - представляется перспективным, поскольку позволит коснуться еще одной грани его таланта. Рассказ-притча «Как строилась Китайская стена» лишена поучительности. Кафка, как нам кажется, пытается и в этом тексте предостеречь человечество от возможных бед. Китай у Кафки лишен реальности - это абсолютная метафора, постичь границы этой метафоры чрезвычайно сложно. Фантастический элемент вторгается в обыденный мир, становится одной из составляющих этого мира.

Список литературы

- 1) Седельник В.Д. Франц Кафка // История австрийской литературы XX века. Т.1. Конец XIX - середина XX века. М.: ИМЛИ им. А. М. Горького РАН, 2009. С.280-309.
- 2) Бланшо М. От Кафки к Кафке. Пер с фр. / Перевод и послесловие Д. Кротовой. М.: Логос, 1998. 240 с.
- 3) Манн Ю.В. Встреча в лабиринте (Франц Кафка и Николай Гоголь) // Вопросы литературы. 1999. №2. С.162-186.
- 4) Интернет-ресурс: Тодоров Цв. Введение в фантастическую литературу. <http://iekharrypotter.narod.ru/TODOROV2.htm> (Дата обращения 22.09.2015).
- 5) Канетти Э. Другой процесс. Франц Кафка в письмах к Фелице. Перевод с нем. и послесловие М. Рудницкого // Иностранная литература. 1993. №7. С.141-195.
- 6) Кафка Ф. Как строилась Китайская стена / Пер. с нем. В. Станевич, Е. Маркович. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2011. 224 с.
- 7) Meng W. Kafka und China. Iudicium-Verlag, 1986. 288 s.
- 8) Bennig W., Petropoulou E. Vier Achsen für die Interpretation von Franz Kafkas Fragment „Beim Bau der chinesischen Mauer“ // Neuphilologus. 2012. V.96(4). P.583-592.
- 9) von Glinski S. Imaginationsprozesse: Verfahren phantastischen Erzählens in Franz Kafkas Frühwerk. Walter de Gruyter/Berlin/New York. 2004. 399 s.
- 10) Binder H. Kafka-Kommentar zu sämtlichen Erzählungen. München, Winkler Verlag, 1977. 346 s.
- 11) Nakazawa H. Über „Die Chinesische Mauer“ // Chinesisch-japanisches Germanistentreffen Beijing 1990. Dokumentation der Tagungsbeiträge (International Culture Publishing Corporation 1994). S.77-95.
- 12) Беньямин В. Франц Кафка. М.: ООО «Ад Маргинем Пресс», 2013. 240 с.
- 13) Greiner B. Hinübergehen in das Bild und Errichten der Grenze: Der Mythos vom chinesischen Maler bei Bloch und Benjamin und Kafkas Erzählung „Beim Bau der chinesischen Mauer“ // J. Wertheimer, Susanne Göße (Hg.), Zeichen Lesen, Lese-Zeichen: Kultursemiotische Vergleiche von Leseweisen in Deutschland und China. Tübingen 1999. S.175-199.
- 14) Lachmann R. Erzählte Phantastik: zu Phantasiegeschichte und Semantik phantastischer Texte. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 2002. 501 s.
- 15) Интернет-ресурс: Мелетинский Е. Мифологизм Кафки http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Literat/melet1/03.php (Дата обращения 22.09.2015).